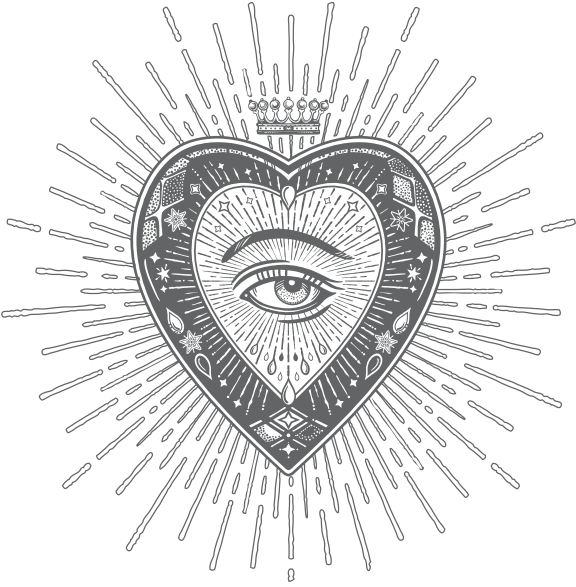

Пролог

Мое имя Агриппина, но все зовут меня Грипп. И в этом есть смысл.

Каждый год от гриппа погибает около шестисот тысяч человек. Как и мой тезка, я тоже убиваю людей. Пусть не так много, но счет уже идет на десятки.

Хотела бы я остановиться. Не причинять боль. Не нести смерть. Вот только понятия не имею, как это сделать. Остается только одно...

Переехать в Питер

Машина резко подпрыгивает, и я вскрикиваю от боли. Рука, высунутая из окна, чуть не переламывается пополам. Голова врезается в потолок.

— А я говорила, приberi клешню! — Для Кристины, моей мачехи, вполне нормально вот так рывкать. — Тут ухаб на ухабе. Гореть им в аду, работникам хреновым! У них была одна задача: нормально положить асфальт, но они ее провалили. Криворукие обезьяны! — Крис продолжает ругаться на чем свет стоит.

На самом деле мачеха у меня совсем неплохая. Даже хорошая. Но только не за рулем. И не во время работы над очередным проектом. И не с людьми, которые ее бесят.

— Окей, руку убрала. А с головой что делать? — Я потираю ушибленную макушку. — Спрятать в бардачке?

— Голову могла бы оставить дома. Все равно не пользуешься. — Крис фыркает и, высунувшись из окна, орет на проезжающий сбоку автомобиль: — Куда прешь, кретин?!

— Дом, — задумчиво повторяю я. — Если бы он у меня был.

— Не говори ерунды. — Мачеха напрягается. — У нас теперь будет два дома. Один в Краськове, второй в Питере. А если тебе не понравится в большом городе, в чем я сильно сомневаюсь, мы вернемся в поселок. — Ее голос смягчается. — Даю слово, Грипп.

Я не отвечаю и смотрю в окно на проплывающие мимо опоры линий электропередачи — эйфелевы башни, которые мы заслужили. Раньше в вышках мне чудилась провинциально-индустриальная романтика, но теперь при виде них ноет сердце и бегут мурашки.

Однажды такая опора рухнула рядом со мной. Мы с Лизкой гуляли на окраине поселка. Был ноябрь, и в воздухе уже пахло зимой. Жухлая трава, поседев от инея, хрустела под подошвами. Сверху лился высоковольтный гул, низкий и тревожный. Я подняла лицо к небу и поймала тот самый момент, когда металлическая громадина покачнулась, как мачта, и устремилась вниз. Нужно было бежать, но меня точно парализовало. Затрещали провода, раздался грохот. Во все стороны брызнули стальные детали и куски земли. Меня не задело, а вот Лизку...

Натягиваю поглубже капюшон толстовки и отворачиваюсь от окна.

Интересно, было ли в моей жизни время, когда *это* не происходило? Вряд ли.

А будет? Ответа нет.

Ухабистая дорога кончается, и перед нами расстилается трасса. Крис выдыхает, немного расслабляется и откидывает волосы на спину — они длинные и черные, как у ведьмы. И это в придачу к зеленым глазам и способности есть что угодно, не толстая.

Нас ждут восемь или девять часов дороги. За все свои шестнадцать лет я ни разу не ездила на такие дальние расстояния, но почему-то отлично представляю, чего ожидать.

Мы будем ехать молча, если не считать периодической ругани Крис в адрес других водителей. На полпути остановимся в придорожной забегаловке. За прилавком — дородная продавщица, на столах — полиэтиленовые скатерти, засиженные прошлогодними мухами и проштампованные кружочками протекшего кофе. Крис закажет что-то неудобоваримое, например щи из квашеной капусты. А я возьму пирожок с картошкой и приторный «три в одном». Мой липкий след, мой кофейный штамп тоже должен остаться на скатерти. Потом Крис повздорит с какими-нибудь дальнобойщиками, выбрав особо устрашающих на вид, и мы поедем дальше. Всю дорогу в машине будут попеременно петь Nick Cave и Morphine, изредка уступая место тишине.

Я скребу ногтями по руке — всегда чешусь, когда нервничаю. Кажется, под кожей копошатся жуки. Бр-р.

Не хочу в Питер. Любая девчонка хочет — по крайней мере, такое впечатление складывается из соцсетей, — но только не я.

Там слишком много людей. Слишком много жизни. Привезти меня туда — почти то же самое, что выпустить голодного тираннозавра в толпу. Но Крис этого не понимает. Даже то, что случилось с отцом, не убедило ее.

Наверное, Крис поверит, что я опасна для окружающих, лишь тогда, когда сама окажется на волосок от смерти. А я возьму и оборву его...

Нет, так думать нельзя.

Наше путешествие проходит в точности, как я предсказываю. Для этого не нужно быть экстрасенсом, достаточно знать Крис и следить в соцсетях за моим братцем Изи — любителем автостопа и российской глубинки.

Придорожная кафешка, грязные скатерти, спор с дальнобойщиками из-за орущего на всю забегаловку телика, а в машине — Children* и The Night**. На придорожных знаках тают цифры километража. Восемь с половиной часов проходят на удивление быстро, и вот в полной тишине мы въезжаем в Питер.

Ноги — и не только они — ноют от долгого сидения. И внутри тоже ноет, но сладко и волнующе. Меня кидает от страха к нежности, от грусти к восторгу. Я прилипаю к окошку, чувствуя, как от переизбытка чувств сжимается диафрагма. Внутри вот-вот случится локальный большой взрыв.

Вначале мы едем по Московскому проспекту, и все вокруг действительно напоминает Москву. После

* Исполнитель — Nick Cave. *Здесь и далее примечания редактора.*

** Исполнитель — группа Morphine.

домов в поселке «сталинки» кажутся верхом архитектурной мысли, почти небоскребами. Симпатичный район, но я чувствую, что это не настоящий Питер. А настоящий впереди. Мы выруливаем на Садовую — и город поворачивается ко мне лицом. Отовсюду смотрят желтые и розовые фасады. Почти на каждом — темный налет: то ли плесень, то ли выхлопные газы, то ли следы времени. Сердце томится в груди, как мясо в горшочке. Приготовится — и город одним махом проглотит его.

Черт. Боже. Как тут красиво.

Я не люблю новые, выхолощенные дома. Не люблю бетонно-зеркальный хай-тек. Мне по душе то, что строили столетия назад, — и желательно, чтобы с налетом мрачности. Не тотальная разруха, нет, а легкое запустение. Как паутинка между рамами старого окна. Да, если в доме есть паутина, он кажется мне куда уютнее, чем тот, где дважды в неделю делают генеральную уборку и поклоняются КонМари*.

Мы въезжаем на мост. Значит, уже скоро. Бабушкина квартира находится на Петроградском острове, а, судя по навигатору в телефоне, по нему мы и едем. В окне мелькает фантастический белый дом с башнями, похожий на средневековый замок, и машина сворачивает налево.

Интересно, откуда Крис знает дорогу? Она же никогда не ездила к бабушке, даже знакома с ней

* Мари Кондо, автор бестселлера об организации домашнего пространства.